

18+

ВАРВАРА КЛИМОВА

**ПРИКАЗ
№742-К**

Варвара Климова

Приказ №742-К

«Издательские решения»

Климова В.

Приказ №742-К / В. Климова — «Издательские решения»,

«Приказ №742-К». Алекс и Элис — солдаты одной армии, одного взвода, одной бесконечной войны. Они знают правила наизусть: никаких привязанностей, никаких лишних взглядов, никаких чувств. Враг чует тепло человеческих эмоций и бьёт именно туда. Но даже вызубренные протоколы и нейроимпланты-блокираторы не всеильны, когда сердце колотится быстрее от одного присутствия рядом. Мрачная военная драма о мире, где любовь объявлена угрозой боеспособности, а грань между человеком и оружием стирается.

© Климова В.

© Издательские решения

Содержание

Приказ №742-К	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Приказ №742-К

Варвара Климова

© Варвара Климова, 2026

ISBN 978-5-0070-2259-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приказ №742-К

Снаряд лёг в десяти метрах. Взрывная волна ударила в грудь, швырнув Алекса на спекущую землю. В ушах звенело. Сквозь пелену пыли он видел, как шевелится серое небо — или это ему только казалось. Рот наполнился металлическим привкусом. Кровь. Или страх.

— Вставай! — крикнул кто-то рядом. Голос знакомый, с хрипотцой. Сержант Келлер. — Вставай или я тебя сам пристрелю!

Алекс перевернулся на живот, упёрся ладонями в горячую землю. Тело слушалось плохо — правая нога онемела ниже колена. Он опустил взгляд и увидел осколок. Тонкий, длиной с ладонь, торчал из бедра, пробив бронепластину насквозь. Вокруг раны ткань комбинезона потемнела от крови.

Странно. Боли не было.

В голове мелькнула мысль — казённая, заученная на инструктажах: «Протокол „Ранение-4“: при отсутствии болевых ощущений после тяжёлого ранения вероятен нейрогенный шок либо внешнее ментальное воздействие. Немедленно доложить командиру отделения».

Но он не доложил. Он попытался — открыл рот, и из горла вырвался только хрип. А потом он увидел Элис.

Она бежала к нему, пригибаясь под огнём, и время словно замедлилось. Он всегда замечал её первой — ещё там, в казармах, ещё до этого боя, до этой планеты. Замечал, как она поправляет волосы перед построением. Как хмурится, читая сводки. Как её пальцы ловко перебирают медикаменты, каждое движение — точное и бережное. Он знал, что это неправильно. Знал Приказ №742-К о недопустимости личных привязанностей между военнослужащими. «Боевая единица не должна испытывать эмоциональной зависимости от другой боевой единицы. Чувства снижают боеспособность. Чувства открывают бреши в ментальной защите. Чувства — пища для врага».

Он знал это наизусть. Зубрил. Проходил психокоррекцию. Ему вживляли блоки — маленькие нейроимпланты у основания черепа, которые должны были гасить нежелательные эмоциональные всплески. Должны были. Но каждый раз, когда Элис оказывалась рядом, импланты словно отключались. И он чувствовал. Чувствовал, как сердце начинает колотиться быстрее. Как перехватывает дыхание. Как хочется просто смотреть на неё — и плевать на всё.

Это неправильно, — сказал он себе в сотый, в тысячный раз. Это нарушение протокола. Это слабость.

Но она была уже рядом.

Келлер рывком поставил его на ноги. Мир покачнулся. Вокруг гремело, стрекотало, кричали люди. Батальон закрепился в руинах промышленного здания — бетонные балки торчали в небо, словно рёбра мёртвого зверя. Где-то за стеной ухали вражеские орудия.

— Держись за мной! — бросил сержант и побежал, пригибаясь.

Алекс захромал следом, опираясь на автомат как на костыль. Каждый шаг отдавался тупым толчком в бедре. Осколок в ноге качался при ходьбе, но боли по-прежнему не было. Только странное тепло разливалось по телу — почти приятное, убаюкивающее.

Внешнее воздействие, — услужливо подсказала память. Вероятность — девяносто два процента. Протокол «Щит-Омега»: немедленная ментальная изоляция, блокировка эмоциональных каналов, повторение клятвы стойкости.

Он попытался. Честно попытался. Начал мысленно проговаривать формулу — «Я — сталь, я — мощь, я не чувствую, я не помню, я не...» — но формула рассыпалась, потому что Элис догнала их и теперь бежала рядом. Он слышал её дыхание — сбивчивое, но ровное. Видел краем глаза, как она движется — легко, пригнувшись, не теряя ни секунды. Настоящий солдат. Настоящий профессионал.

И всё же — что-то в ней было не по уставу. Что-то, что заставляло его забывать протоколы.

Они добрались до пролома в стене. Келлер уже командовал отделением — трое бойцов заняли позиции у оконных проёмов, ещё двое тащили раненого. Алекс рухнул на грудь щебня, привалился спиной к холодному бетону. Дышать стало трудно. Перед глазами плыли радужные круги.

— Дай глянуть, — Элис склонилась над ним. Её голос звучал ровно, почти холодно. Почти.

Она опустила на колени, быстрым движением разрезала штанину вокруг раны. Алекс смотрел на неё сверху вниз — на макушку, на тонкую шею, на то, как двигаются её плечи под тканью комбинезона. Усилием воли он заставил себя отвести взгляд. Не смей. Она — санитарка, ты — раненый. Это рабочая ситуация. Ничего больше.

Но мысли не слушались. Они текли куда-то вбок, в запретную сторону. Он знал Элис уже год — с тех пор как их часть перебросили в этот сектор. Целый год он заставлял себя не смотреть на неё дольше трёх секунд. Потому что если смотреть дольше — начинаешь замечать детали. Родинку за ухом. Манеру прикусывать губу, когда она сосредоточена. То, как она заправляет выбившуюся прядь под шлем — всегда одним и тем же движением, быстрым и точным.

Он знал, что у неё трое младших братьев на орбитальной станции. Знал, что она ни разу не плакала над умершими — по крайней мере, при нём. Знал, что она не любит, когда её называют по фамилии, но никогда не поправляет — потому что поправлять означало бы признать, что ей не всё равно.

А ещё он знал — подозревал, догадывался, но никогда не позволял себе думать об этом, — что иногда она смотрит на него чуть дольше, чем нужно. На полсекунды. На одно лишнее мгновение. Он ловил эти взгляды и делал вид, что не замечает. Она делала вид, что не смотрит. И так — месяц за месяцем.

Протокол №743-К (дополнение к №742-К): «В случае обнаружения признаков эмоциональной привязанности к сослуживцу военнослужащий обязан немедленно подать рапорт о переводе в другое подразделение либо добровольно пройти курс углублённой психокоррекции».

Ни он, ни она рапорт не подали.

— Дерьмово выглядит, но жить будешь, — сказала Элис, не поднимая глаз. Её пальцы, ловкие и уверенные, уже вскрывали индивидуальный перевязочный пакет. — Сейчас вколю обезболивающее. Будет щипать.

Она говорила ровно, чётко, как положено санитарке. Но Алекс слышал — или ему казалось? — лёгкую дрожь в голосе. Совсем крошечную, на грани слышимости. Может быть, ему просто хотелось её услышать.

— Не надо, — сказал он.

Она подняла взгляд. Глаза у неё были серые, как небо над этой проклятой планетой. Серые и строгие — но в глубине, на самом дне, он увидел то, что она всегда прятала. Тревогу. Не профессиональную тревогу медика за раненого — что-то другое. Личное.

Она боится за меня. Не за боевую единицу. За меня.

— Не надо обезболивающего? Ты спятил? У тебя железка в ноге.

— Не болит, — он попытался улыбнуться. Получилось, наверное, жалко. — Совсем. Даже... приятно.

Элис нахмурилась. Приложила два пальца к его шее, считая пульс. Её прикосновение было прохладным — или это его кожа горела? Он закрыл глаза на секунду, просто чтобы почувствовать это прикосновение. Её пальцы на своей шее. Вне протокола. Вне устава. Просто человек касается человека.

— У тебя жар. И зрачки расширены, — она говорила быстро, уже не ему, а себе. Её пальцы всё ещё лежали на его шее — дольше, чем нужно для проверки пульса. — Возможно, инфекция. Или нервный шок. Надо эвакуировать.

— Нет, — Алекс вдруг ощутил прилив сил. Станный, неестественный. Он сел прямее, схватил Элис за запястье — и замер. Он держал её за руку. Он касался её не случайно, не в бою, не по необходимости. Просто держал за запястье и чувствовал её пульс — частый, встревоженный. — Я в порядке. Честно. Я даже... я даже лучше, чем в порядке.

И это было правдой — или казалось правдой. Тепло в груди разрасталось, превращаясь в жаркую волну, и с каждым ударом сердца эта волна поднималась выше, захлёстывая горло, заливая мозг. Мир стал ярче. Звуки — отчётливей. Он слышал каждый выстрел, каждый вздох, каждый шорох осыпающейся штукатурки. Он слышал биение сердца Элис — частое, встревоженное. И её дыхание — неровное, сбившееся.

Она тоже чувствует. Что-то чувствует. И боится этого.

А ещё он слышал кое-что другое.

Шёпот.

Тихий, вкрадчивый, на самой границе восприятия. Он не мог разобрать слов, но интонация была ласковой, почти нежной. Шёпот обещал... что? Он обещал всё. Силу. Свободу от страха. Возможность быть с ней, не прячась, не оглядываясь на устав и протоколы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.